

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Философия и наука

Неклассическая антропология

**СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ –
НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА**

Для направлений новой, неклассической науки наших дней типично быть нетипичными. Синергийная антропология, которой мы посвящаем этот номер журнала, соединила в своем происхождении и строении целый набор нетипичных и парадоксальных моментов. Она зарождалась в СССР, в эпоху господства Единственно Верного Учения, однако восходила в своих идеях не к «Происхождению семьи, частной собственности и государства» и даже не к «рукописям раннего Маркса», а к отцам-пустынникам Фиваиды и Афона. Стало быть, она строила свои концепции на материале далекой древности? Хотя бы отчасти – несомненно; но тут очередной парадокс: ее цели были всегда направлены в современность, к пониманию сегодняшнего человека. Одни из первых же ее разработок были посвящены современным виртуальным практикам, а в этом номере открывающая его статья анализирует новейшие антропологические тренды, риски стратегий, ведущих к Киборгам и Мутантам. Или еще: на своих ранних стадиях синергийная антропология усиленно опиралась на антропологический опыт Востока – опыт духовных практик, которые на Западе почти не представлены. В известной мере этот опыт всегда продолжает быть для нее существенным. Но при этом ее конституция и организация, ее методы прочно интегрированы в дискурс западной философской и научной традиции (хотя она и вводит последовательно в этот дискурс принципы и понятия, отражающие восточный опыт). Она вступает в диалог со многими репрезентациями этого дискурса: тес-

но соприкасается с теорией «практик себя» позднего Фуко, со всей постмодернистской рецепцией аскетизма, глубоко входит в проблематику гуссерлианской феноменологии, выдвигая решение давно стоявшей проблемы ее обобщения на феномены религиозного и мистического опыта...

Все эти сочетания полярностей не случайны: за ними стоит определенная оценка сегодняшней ситуации человека и науки о нем. И та, и другая ситуация кризисны, и оба кризиса тесно взаимосвязаны: человек непредсказуемо меняется, культивирует рискованные экстремальные практики, демонстрирует опасные тенденции развития; наука же обнаруживает, что ее прежние средства, все ее старое классическое основоустройство не справляется с задачами понимания этих новых явлений и тенденций. Такое время видится нами как время собирать камни. Время широкого, глобального обозрения всего поля антропологического опыта, всего хронотопа Человека. Время суммировать и переосмыслить, по-новому организовать уцелевшие ресурсы антропологической мысли, то немногое, что прошло проверку, выдержало испытание кризисом или же не было им затронуто.

Этот выпуск журнала – тоже своего рода проверка. Работы исследователей, никак не связанных меж собой, живущих в разных краях, – своеобразная статистическая выборка, показывающая, как видится и работает синергийная антропология в научном сообществе, какие ее возможности сегодня оказались востребованы.

В числе самых злободневных, усиленно дебатированных сегодня антропологических тем – проблема Постчеловека. Поэтому несколько не удивительно, что номер открывает статья, посвященная применению синергийной антропологии к этой проблеме. При всем внимании к ней, лавиная доля ее обсуждений до сих пор остается на уровне масс-медиа; попытки же более серьезного разбора чаще всего рассматривают технические, социальные или (реже) биоэтические аспекты. Работа С. Хоружего стремится восполнить дефицит собственно антропологической рефлексии Постчеловека, интегрируя тему в общий контекст «трансформативной антропологии», расставляя вехи ее концептуализа-

ции и намечая герменевтику постчеловеческих трендов, позволяющую систематически подойти к ключевым вопросам об оценке их перспектив и последствий.

Обратившись затем к статье П. Сержантова, мы констатируем первое сочетание полярностей в составе номера: здесь синергийная антропология применяется уже не к новейшим, а к древнейшим пластам антропологического опыта. Материалы номера подтверждают общую особенность, в свое время указанную С. Хоружим: феномен Человека в целом его истории (по сегодняшний день) являет собой классическую антропологическую формацию (классического европейского человека) в окружении неклассических, соответствующих как древности, так и современности. Исихастский опыт — изначальное рабочее поле синергийной антропологии. Продолжая начатый еще в 2000 г. цикл исследований, П. Сержантов анализирует его темпоральное измерение. Специфика «внутреннего сознания времени» в мистическом опыте — классическая проблема, издревле обсуждавшаяся самими мистиками, философами, теологами. Синергийная антропология, как выясняется, дает возможность войти в эту специфику достаточно глубоко, позволяя обосновать важный вывод о дискретном характере времени на высших ступенях исихастской практики. Интересно, что этот вывод П. Сержантов связывает с одним из ключевых и самых дискуссионных тезисов синергийной антропологии, о «деэссенциализации» энергий человека на высших ступенях духовной практики: этот эффект деэссенциализации получает у него прямую связь с дискретностью темпоральности.

И все же, как показывает наш номер, наиболее востребованные возможности синергийной антропологии — в проблеме личности. Это — существенный и положительный факт, поскольку именно здесь, в определенном способе конституции человека, его личности и идентичности, сосредоточено смысловое ядро нового направления. Можно вспомнить, что первое международное обсуждение синергийной антропологии (на симпозиуме во Флоренции летом 2005 г.) тоже касалось, прежде всего, персонологической проблематики, находя в новом подходе конструктивную бессубъект-

ную и бессущностную альтернативу классической западной персонологии.

В составе же номера мы видим три очень разные работы, которые анализируют проблемы человека и сообщества, самости и субъекта, человеческой и Божественной личности в призме персонологической парадигмы синергийной антропологии. Здесь снова найдется и сочетание полярностей: если в статье С.С. Аванесова синергийная антропология выступает как направление, стоящее в самой тесной близости к православному богословию личности и богословию энергий, то у В.Н. Дробышева она предстает как поиск современных решений персонологической проблематики, находящийся «в резонансе», в прямой переключке и диалоге, с постструктуралистской персонологией Делеза. В работе же К. Штекль найдем средний и наиболее взвешенный взгляд, видящий в синергийной антропологии не религиозную антропологию и не антропологию постструктуралистского типа, но антропологию, которая стремится проторить собственный путь, не избирая конфессиональной позиции, однако сохраняя в то же время для религиозного опыта независимое место в антропологическом дискурсе. Вообще текст д-ра Штекль, представляя взгляд на наше направление «с Запада», привносит полезное расширение перспективы, выход из некоторых стереотипов отечественного мышления. Для этого мышления, скажем, непривычно напрямую связывать рефлексию оснований антропологии и онтологии со злободневной проблематикой политической мысли. Без «западной подсказки» мы бы, пожалуй, не так скоро заметили бы важные переключки синергийной антропологии с сегодняшними авторитетами западной политической философии, с их спорами на острую тему о негативной и позитивной свободе.

О.И. Генисаретский – наряду с С. Хоружим, В. Бибиным, А. Ахутиным – изначально участник разработок в русле синергийной антропологии. Но в этом русле он изначально же развивал свою оригинальную модуляцию синантропологического дискурса. Она, безусловно, разделяет синергийные онтологические основания и энергийные философские установки синергийной антропологии: в его ста-

ть мы прочтем, что поле своих разработок автор определяет как «психопрактический горизонт синергии» и ставит задачу «высвобождения событий из плена сущностей». При этом, однако, здесь почти не используется концептуальный аппарат синергичной антропологии, ее топические методики. На первый взгляд здесь вообще весьма мало общего с синергичной антропологией. А как на самом деле? Читателю предоставляется любопытное упражнение по сопоставлению двух модуляций дискурса.

В целом же собравшийся комплекс текстов демонстрирует впечатляющую широту диапазона нового направления. Мы видим, как понятия и идеи синергичной антропологии стимулируют плодотворные разработки в самых разных, порой диаметрально удаленных секторах антропологической проблематики. Видна и высокая степень диалогичности направления, способность синергичной антропологии вбирать самые разные пласты опыта, осмысливать и переплавлять в тигле своего метода проблематику самых разных течений, дискурсов гуманитарной мысли. В этих своих чертах она отвечает на вызов времени — если оно, как мы решили о нем, есть *время собирать камни*. Как нынче вырисовывается уже, в этом собирании предстоит особая роль антропологии. Лишь ей может принадлежать миссия синтеза всего собранного в некое новое единство, ибо лишь в ней, в человеке как первоисточнике всех принципов и дискурсов гуманитарного знания, можно почерпнуть принципы этого нового единства. Иными словами, в порядок дня постепенно ставится новая антропология — антропология, выходящая как «наука наук о человеке» и задающая новую эпистему для всей сферы гуманитарного знания.

В этом направлении лежат новейшие разработки в русле синергичной антропологии, интенсивно обсуждаемые на семинарах Института синергичной антропологии, но не нашедшие еще отражения в статьях номера. Кто знает — может быть, этому следующему этапу еще будет посвящен один из будущих выпусков «Философских наук».